

Чжао Чэнь приподнял бровь. Постоянно обманываемый скупой [Системой], он вдруг почувствовал себя неловко от того, что всё стало нормально, но это, безусловно, было к лучшему.

Не задавая лишних вопросов, он потратил немного серебра на покупку современной лопаты для вспашки и приступил к работе.

В прошлой жизни он, конечно, испытывал трудности, но до уровня «лицом к земле, спиной к небу» ещё не доходил. К счастью, он был человеком, который быстро учился, и, наблюдая за тем, как жители деревни Водяной Лилии обрабатывают землю, он примерно понял, как это делать.

Земля в [Пространстве] за последние два дня была достаточно увлажнена и стала мягкой. Современная лопата для вспашки оказалась намного удобнее, чем инструменты этого времени, и вскоре Чжао Чэнь вспахал небольшой участок. Затем, следуя инструкции, прилагаемой к семенам, он посадил ростки батата и полил их разбавленной [водой из духовного источника].

[Вода из духовного источника] действительно была чудодейственной для растений. Хотя она была дорогой — один кубический метр стоил двадцать лянов серебра — он разбавил одну тыквенную ложку источника в большой бочке воды, и эффект всё равно был отличным.

Чэнь Цзю с изумлением наблюдал, как аккуратно посаженные ростки батата быстро росли на глазах, ветвились и распускали листья. Зелёные стебли покрыли небольшой участок земли, а затем начали распространяться дальше.

Рост продолжался некоторое время, прежде чем остановился.

— В инструкции сказано, что пересаженные побеги батата тоже могут дать урожай. Мы купили ростки батата, и если будем регулярно поливать их [водой из духовного источника], то сможем пересаживать побеги. Когда батат созреет, мы оставим часть на семена, и тогда больше не придётся покупать, — объяснил Чжао Чэнь, глядя на процветающий батат.

Он был доволен: хотя начало и было дорогим, но после покупки небольшого количества больше не нужно будет тратиться.

Чэнь Цзю тоже был приятно удивлён. Если бы каждый раз приходилось тратить много серебра на покупку семян в [Пространстве], это было бы слишком убыточно.

Время было уже позднее, и Чэнь Цзю, который последние дни плохо спал, начал клевать носом.

Чжао Чэнь, заметив это, мягко сказал:

— Иди сначала поспи, здесь я справлюсь. Выспись, чтобы завтра был бодрым. Кстати, завтра утром не забудь принять лекарство.

Чэнь Цзю понимал, что его тело действительно не могло помочь, и, хотя это его раздражало, он всё же послушно отправился в комнату спать.

После его ухода Чжао Чэнь посмотрел на батат, который, хотя и был только что посажен, выглядел так, будто рос уже два-три месяца, и продолжил вспахивать землю.

Из трёх частей участка он оставил только около двадцати квадратных метров в углу для своих

и Чэнь Цзю повседневных дел, а остальное вспахал и посадил только что выросшие стебли батата, снова полив их разбавленной [водой из духовного источника]. Вскоре большая часть [Пространства] была покрыта зелёными побегами батата.

[Воду из духовного источника] нельзя было поливать слишком часто. Слишком насыщенные духовной энергией вещи, если их продавать, могли вызвать проблемы. Чжао Чэнь решил полить только один раз разбавленной водой и подождать десять дней, пока батат созреет.

Тогда они смогут насладиться ароматным печёным бататом и использовать эту высокоурожайную культуру, которой не было в этом мире, для своей выгоды.

На следующее утро, ещё до рассвета, Чэнь Цзю проснулся от кошмара.

Он хотел умыться и вернуться в комнату до того, как проснутся Чэнь Лин и госпожа Лань, но на пути столкнулся с вышедшей из комнаты госпожой Лань.

Увидев её, Чэнь Цзю отвернулся, стараясь поскорее вернуться в комнату.

Госпожа Лань крепко схватила его за руку, скрипя зубами, прошептала:

— Маленькая сволочь, ещё пытаешься убежать?

Её пальцы впились в мягкую ткань его руки, вызывая острую боль.

— Ай! — Чэнь Цзю почувствовал, как по спине пробежал холодный пот, и инстинктивно понизил голос, но потом вспомнил, что в этой жизни он больше не позволит госпоже Лань так издеваться над собой, и предупредил:

— Отпусти, иначе я позову отца!

В доме Чэней было так мало места, что любой звук мог разбудить его отца. Ему достаточно было немного повысить голос, и отец сразу бы проснулся.

Госпожа Лань не ожидала, что Чэнь Цзю осмелится противостоять ей втайне, и была одновременно взбешена и удивлена.

Она всё ещё не верила, что он осмелится кричать, поэтому не отпустила его, а, наоборот, сжала сильнее, издеваясь:

— Кричи, попробуй, посмотрим, кому твой отец поверит — мне или тебе!

— На этот раз неважно, поверит он или нет, но что, если таких случаев станет больше? — Чэнь Цзю, терпя боль, насмешливо улыбнулся. — Почему я против тебя? Потому что я уступил твоей дочери Цянь Юня? Ты думаешь, отец поверит в это? Или ты хочешь, чтобы я рассказал отцу, как эта парочка подсыпала мне наркотики?

Раньше, находясь перед отцом, Чэнь Цзю притворялся, но теперь, лицом к лицу с госпожой Лань, он больше не хотел играть роль. Он хотел, чтобы эта отвратительная женщина поняла, что он изменился и больше не тот, кого можно тиранить.

Услышав последние слова, госпожа Лань была шокирована и слегка ослабила хватку.

Чэнь Цзю, думая о том, что нужно поскорее попасть в [Пространство] и заняться [вышивкой], чтобы заработать серебро, не хотел продолжать ссору с госпожой Лань. Увидев, что она

ослабила хватку, он сразу же вырвался и вернулся в комнату, запершись изнутри.

Госпожа Лань, глядя на запертую дверь, покраснела от злости.

Но и она, и Чэнь Лин были предупреждены Чэнь Гуанжэнем не приставать к Чэнь Цзю. Если бы она начала стучать в дверь, это бы сразу заметили, поэтому она лишь злобно повернулась, решив добавить «специй» в завтрак для Чэнь Цзю.

Что касается наркотиков, у Чэнь Цзю не было доказательств, так что даже если бы он рассказал, что бы это изменило?

Чэнь Цзю не стал бы обращать внимание на то, что госпожа Лань собиралась добавить в еду. С этого момента он больше не притронется ни к чему, приготовленному госпожой Лань или Чэнь Лин.

Закрыв дверь на засов, Чэнь Цзю сразу же вошёл в [Пространство].

Он хотел воспользоваться тем, что свет в [Пространстве] отличался от внешнего, чтобы спокойно вышивать на [шёлке], но только он вошёл, как следом за ним появился Чжао Чэнь.

Увидев его, тот мягко сказал:

— Доброе утро.

— Доброе утро! — Хотя это было немного странно, Чэнь Цзю понял, что Чжао Чэнь просто здоровается, и поспешил ответить.

Увидев, что Чжао Чэнь завязывает пояс, он с некоторым напряжением спросил:

— Я тебя разбудил?

— Нет, я привык просыпаться в это время, уже умылся, — Чжао Чэнь завязал пояс и улыбнулся ему. — Увидел, что ты вошёл, и решил зайти, чтобы кое-что обсудить.

Чэнь Цзю вздохнул с облегчением и спросил:

— Что такое?

— Начиная с сегодняшнего дня, выделяй хотя бы час, ну, то есть полчаса, чтобы вместе со мной читать и писать, — сказал Чжао Чэнь, глядя на него.

— Читать и писать? — Чэнь Цзю опешил.

— Да, — кивнул Чжао Чэнь. — Не нужно становиться мастером, достаточно уметь писать и понимать текст. Конечно, если захочешь учиться больше, пожалуйста. Хочешь?

— Хочу! — Чэнь Цзю закивал, выражая благодарность. — Спасибо тебе, Чжао Чэнь.

Он всегда завидовал тем, кто умел читать и писать, но его здоровье не позволяло ему ходить к учителю, а у семьи Чэней не было возможности пригласить учителя домой, поэтому у него никогда не было такой возможности.

Теперь, когда Чжао Чэнь предложил научить его, он, конечно, был рад.

Получив подтверждение, Чжао Чэнь достал из угла книги, купленные вчера, и [письменные принадлежности], разложил бумагу на чистом столе, закрепил её пресс-папье и начал растирать тушь.

Во время этого процесса он также объяснял Чэнь Цзю всё о [письменных принадлежностях].

Чэнь Цзю слушал очень внимательно, и, глядя на то, как Чжао Чэнь старательно учит его, его глаза наполнились слезами.

Он всё-таки был счастливчиком. Хотя в прошлой жизни он перенёс много страданий, Небо дало ему второй шанс, чтобы снова почувствовать доброту отца и встретить Чжао Чэня.

Чжао Чэнь, склонившись над тушью, не заметил его волнения.

Когда тушь была готова, он начал писать на бумаге.

В детстве он был очень непоседливым, и мать, желая, чтобы он успокоился, записала его на курсы каллиграфии. Он с детства был упрямым: если уж учился, то учился до результата, и принёс домой немало наград, прежде чем был удовлетворён, поэтому с традиционными иероглифами он был знаком.

Вчера, находясь в уездном городе, он увидел вывески магазинов и понял, что в этом мире используются те же древние иероглифы, что и в его мире. После просмотра книг в магазине он окончательно убедился в этом, поэтому писать ему было довольно легко.

Сначала он написал на бумаге их имена.

Чэнь Цзю, Чжао Чэнь.

Это был строгий, ровный и чёткий почерк в стиле Оуян, с характерными чертами его собственного стиля.

Объяснив основные моменты письма, он написал три раза, прежде чем передал кисть Чэнь Цзю, чтобы тот попробовал повторить.

Чэнь Цзю немного нервничал. Хотя раньше, когда Чэнь Гуй только начинал учиться, он хвастался своими успехами, и Чэнь Цзю тоже научился писать своё имя, но тогда Чэнь Гуй был ещё слишком мал, и его почерк был кривым. Естественно, у Чэнь Цзю тоже получилось не лучше.

Теперь, увидев почерк Чжао Чэня, он понял, что то, что он писал раньше, нельзя было назвать почерком.

Авторские комментарии:

Ещё раз спасибо всем за чтение, добавление в закладки, комментарии, обсуждения и репосты! Очень признателен, целую (* □3)(ε□ *)

<http://bllate.org/book/16384/1482967>